



Легкие горят. Кажется, лестница никогда не кончится. Остановившись, Йона обхватывает живот руками и складывается пополам.

Килиан — он уже на полпролета выше — спрыгивает вниз и берет ее за руку.

— Давай. До крыши осталось восемь этажей.

— А что потом?

— Верь мне.

— Хорошо.

Во всём Радоваре найдется всего четыре человека, кому она верит, и один из них — Килиан, хотя она и знает его совсем не-долго. Потом Залман. Бабушка. Мама.

Снизу доносится топот сапог. На глаза наворачиваются слезы.

— Всё, можно не торопиться. Они уже здесь!

— Прислушайся, они спускаются. Никто даже не догадывается, что мы побежали вверх.

— Я тоже не понимаю, зачем...

Килиан тянет Йону за собой:

— Сейчас некогда. Бежим!

Йона с шумом втягивает в легкие как можно больше воздуха и сильно давит на живот, чтобы избавиться от боли. Бежит за Килианом, и мышцы на ногах прямо-таки взрываются.

Сто сорок третий. Они бросились бежать, когда были на сто двадцать шестом этаже Восхода. За двадцать четыре лестничных марша до крыши. Еще семь, и они окажутся на самом верху самого высокого здания во всём Радоваре, пятьсот метров над землей. А что потом? В фильме орлы подхватили бы их когтями и на крыльях перенесли в орлиное гнездо высоко в горах Радовии. Но они не в фильме. И в Радоваре живут только черные птицы. И попасться здесь можно только в когти Серой Бригаде. А из этих когтей никому не вырваться. Наверное, это самый простой выход.

Слышно, как где-то внизу хлопнула дверь. И сразу грохот шагов по лестнице — на этот раз они приближаются, причём быстро.

— Теперь они знают, где мы, — с трудом произносит Йона. Каждый вдох прорывается сквозь горло, как по наждачной бумаге. — Я больше не могу, совсем. Беги без меня. Всё.

Вместо ответа Килиан хватается ее за руку и тащит наверх. Взгляд у него такой свирепый, что теперь Йоне

еще страшнее. Она кричит и все оставшиеся силы бросает на то, чтобы преодолеть последние ступени.

Сто сорок девятый. Грохот всё ближе. Сто пятидесятый. Красные стрелочки на стенах обозначают запасный выход на крышу Восхода. Йона толкает дверь. Ветер едва не сбивает ее с ног. Он треплет ее одежду и кудрявые волосы, сдувает слезы с глаз. Килиан подтягивает потуже лямки рюкзака и за руку тянет ее к самому краю крыши.

Вдруг ветер стихает, и Йону охватывает странное спокойствие. У Килиана нет никакого плана. Это конец. Она смотрит по сторонам. Они стоят так высоко, что вокруг — куда только хватает взгляда — ярко синее небо и стремительно скользят облака. Далеко внизу, сквозь разрыв в плотном покрывале тумана под ногами, виднеется полоска моря — или это только так кажется. Как бы ей хотелось хоть раз съездить на море, подальше от городского сумрака, туда, где нет ничего, кроме воды и неба!

Килиан разворачивает Йону к себе и прижимает сильнее, чем когда-либо. За его спиной открывается дверь, и на крышу выбегают Серые бригады. Сейчас ее собственный крик, наверное, разорвет ее на части. Нет! Она не умеет летать. Она не хочет лететь. В голове с бешеной скоростью проносятся образы: темные тоннели, нежные розовые цветы, стаи кричащих черных птиц,

единственный глаз Залмана, глядящий на нее с сочувствием. *Ах, девчушка.*

Она пытается вырваться, но Килиан еще сильнее прижимает ее к себе.

— Держись за меня! — кричит он ей на ухо. — Я тебя не выпущу!

Йона обнимает его. Впервые. В последний раз.

И падает спиной в пустоту.

ЕВА ГЛАВА 1

МАРТ — ДВА МЕСЯЦА НАЗАД

Йона стоит на краю крыши. До земли метров двести, но разглядеть ее не получается. Улицы города, как обычно, затянуты серым туманом. Из этой плотной дымки, куда ни глянь, рядами торчат высотки, только верхние этажи. Десятки, сотни домов. Йона уже перестала их считать.

Легкий ветерок треплет ей волосы, солнце греет лицо. Здесь, на крыше Звездного Света, ей удастся скрыться от городских теней. Иногда она представляет себе, что стоит на вершине горы. И высотки вокруг — это другие горы, а узкие улицы между ними — ущелья.

Она смотрит вниз. Порой кажется, что серое ватное одеяло под ногами так и зовет ее прыгнуть: «Не бойся, я подхватю тебя...»

— Очень надеюсь, что «падать» ты не собираешься.

Залман. Хватает ее за рубашку и грубо оттаскивает назад. Она разворачивается к нему и смотрит в единственный глаз техника Звездного Света.

— Не стоит так близко подходить к краю, девчушка. Иначе мне придется повесить на дверь новый замок. Правление и так боится, что кто-нибудь опять упадет. А это плохо для баланса Звездного Света. Если узнают, что я разрешаю тебе тут ходить, меня с Мипи завтра же выставят за дверь.

Йона садится на край вентиляционной шахты.

— Я и не собираюсь. Не моя тема.

Залман смотрит на нее с интересом. Йона пытается не отвести глаз. Каждый раз, когда она его видит, ей не удается сдержать легкую дрожь. Один глаз Залмана представляет собой изрезанный сосудами желтоватый белок с водянисто-голубым островком радужки. Второй почти полностью прикрыт складками кожи. Только снизу блестит белый краешек, как будто глаз всё-таки пытается подсмотреть, что происходит снаружи. Единственная растительность у него на голове — волосы из ушей, а сама голова вся в розовых пятнах причудливой формы.

Залман живет один на минус одиннадцатом этаже. Его однокомнатная квартирка спрятана глубоко под землей, за бойлерной, главным распределительным щитком и стволом лифтовой шахты. У него единственного во всем Звездном Свете рядом с дверью нет таблички с баллами. «Ниже всё равно не опустишься», — приговаривает он, но Йона знает, что это неправда. Многим семьям пришлось уехать в Нижние районы, когда баллов не хватало даже на подземные этажи Звездного Света.

Может быть, Залмана оставили в покое, потому что он ни в чём не похож на остальных жильцов. Он и не стремится перебраться наверх. Целыми днями разгуливает по коридорам, что-то где-то чинит, проверяет трубы и кабели, а когда ему надоедает, закапывается на свой минус одиннадцатый этаж. Отец недавно называл его полуслепым кротом.

В Звездном Свете все его сторонятся. Кроме Йоны. Ей рядом с ним хорошо. Может быть, именно потому, что у него только один глаз — как у ее мягкого Кролика, которого подарила Йоне бабушка в день, когда она родилась. Когда Залман косит на нее глазом, совсем как Кролик, ей кажется, что всё будет в порядке.

Залман — ее друг. Единственный во всём Звездном Свете.

— Сегодня мы переезжаем на двадцать восьмой этаж, — говорит Йона.

— Отлично. Еще двадцать восемь, и вы наверху! Тогда уже на крышу тебе лучше не соваться, девчушка, ты будешь в зоне риска.

Залман громко смеется, но они оба знают, что тут нет ничего смешного. Об этом не говорят, но весь Радовар знает, что у них в городе то и дело кто-нибудь «падает». В одном Звездном Свете по несколько человек в год — и всегда это кто-то с последнего этажа. Остальных жильцов об этом не оповещают, и в Звездной Сети информации не найти, но сопоставить одно с другим

не сложно. На улице — уборщики из Серой Бригады, а у одной из семей вдруг обнуляется счет, и она уезжает из Звездного Света — тут уж сразу понятно, что произошло.

— Ты не знакома ни с кем с пятьдесят шестого? Они там все нервные, как черти. Даже стены пропитаны стрессом насквозь. Мало кого переводят в Верхние районы, и многие откатываются назад, прежде чем им выпадет такой шанс. Некоторые не выдерживают напряжения и добровольно спускаются кратчайшим путем. Ошибка в системе, — произносит Залман.

Йона пожимает плечами.

— И не единственная.

— А ты достаточно осторожна, чтобы не говорить таких вещей всем подряд, девчушка? И оглянуться не успеешь, как заработаешь минус-баллы. А сейчас давай уже, иди, собирай вещи!

— Мне от этого переезда ни холодно ни жарко, — говорит Йона. — Но вот что у бабушки будет своя комната, это хорошо. А то она последнее время громко храпит.

— А сколько лет твоей бабушке?

— На следующей неделе будет семьдесят пять. А что? Залман зажмуривает свой глаз и сжимает кулаки.

— А что? — повторяет она.

Залман открывает глаз и разжимает руки.

— Да ничего, — тихо произносит он. — Просто будь с ней поласковее. А теперь пошевеливайся. Вовремя не переедете — опоздаете на Церемонию Света. И потеряете баллы. Давай, брысь отсюда.

Йона кивает и встает. Отец с братом ни за что ее не простят, если их жизнь на двадцать восьмом начнется с минус-баллов.

ГЛАВА 3

ГЛАВА 2

39187. Баллы светятся зеленым на табличке рядом с Йониной дверью. И рядом дата переезда: 14 марта. Сегодня. И еще плюс 4. Любой желающий сразу увидит, что семья Бергер набрала столько баллов, что может переехать сразу на четыре этажа вверх. Дверь открыта. В маленькой прихожей уже стоят коробки и пакеты с одеждой.

— Где же тебя носило? — Мама выходит из гостиной со стопкой книг в руках.

Йона пожимает плечами.

— Да так, просто.

— Как так можно, Йона! Ты же знаешь, что надо торопиться, чтобы не опоздать на Церемонию Света!

— Но я же пришла.

— Где ты была?

— Так мне идти собирать вещи или с тобой тут разговаривать? Так я, конечно, не успею.

Йона видит, что мама сощурила глаза, и делает шаг назад.

— Йона, это ты? — тихим голосом спрашивает из гостиной бабушка.

— Бабуля, привет! — громко здоровается Йона и пробегает мимо мамы в комнату, где еще вчера жила с бабушкой и Джимми. Там остались только ее вещи, ну и мебель, ее не забирают при переезде, она остается новым жильцам. Как хорошо, что Джимми нет. Наверняка тусит со своими друзьями на девятом, где площадка для скейтов. Удивительно, что они дети одних и тех же родителей. Разные, как небо и земля. У Джимми куча друзей, его всё устраивает, даже то, что их не пускают на улицу. Ему хватает места в Звездном Свете. Тут можно жить, учиться, заниматься спортом, играть в компьютерные игры, ходить в кино, покупать конфеты. А больше ему, кажется, ничего и не надо.

Может, потому что он на три года младше и ему было всего четыре, когда семье пришлось уехать из деревни. Наверняка он не помнит, что там им разрешали гулять в любое время. Что родители ходили совсем на другую работу. Мама была учительницей, но потом из деревни все разъехались и школу закрыли. А папа продавал компьютеры и вечером ходил на курсы для программистов. А теперь они вот уже семь лет работают на конвейере в заводских цехах Звездного Света. Теперь Роб и Марли Бергер, как и большинство жильцов Звездного Света, делают микрочипы для «КомВью», самой крупной компании в мире, производящей электронику. Пять раз в неделю, а то и шесть, потому как за выход на работу

в выходной на семейный счет поступает еще больше баллов.

Наверняка Джимми не помнит, что в деревне возле их двери не было таблички с баллами. Что они и знать не знали, что такое семейный счет, что не было никаких минус-баллов. Даже за то, что случайно разобьешь окно или принесешь в школу лягушку и выпустишь ее на уроке. Его детство прошло в Звездном Свете. Он и не знает, что бывает по-другому. Везет. Или не очень — она пока сама не разобралась.

Йона быстро запихивает одежду в пакеты, которые приготовила мама. Книги и бумаги смахивает со своей полки в коробку. Аккуратно снимает со стены фотографию дома, где они раньше жили. Кладет ее сверху в коробку из-под обуви, где хранит то, что привезла с собой из деревни. Отполированные камушки из ручейка, свой первый и единственный табель с оценками из старой школы, засушенную саламандру, фотографию, где она со своей подружкой Селией бежит по лужам. Что с ней сейчас? Может, она где-то рядом. Разницы, впрочем, никакой: с людьми из других высоток Радовара всё равно не встретиться. Так что с тем же успехом Селия может жить и на Луне.

В последнюю очередь Йона сворачивает в рулон одеяло вместе с бельем и подушкой и заталкивает всё в пакет для мусора. Сверху кладет мягкую игрушку. Кролик смотрит на нее своим единственным глазом.

— Извини, мой хороший, — говорит она и завязывает пакет. — Опять переезжаем.

За семь лет это уже седьмой переезд. Самый первый запомнился Йоне лучше всего. Эти картинки прямо врезались в память. Маленький братик сидит на огромном чемодане. Сама Йона так устала, что пытается забраться к нему, в нагруженную под завязку тележку, в которой раньше возили припасы для пикника. Папа спускает ее обратно, мол, уже не маленькая, семь лет, вполне можешь идти своими ногами. Бабушка берет ее за руку. Город, всё серое — улицы, туман, высокие каменные башни с узкими окошками. Мама объясняет, что в них живут люди. У одного окна стоит девочка. Йона помахала ей, вдруг они потом подружатся. Но по пути к Городской администрации они миновали еще шестьдесят три другие башни.

Там стояла длинная очередь, за столом сидела женщина с усиками, Йона заснула на жестком стуле. Но ярче всего запомнилось, как папа разбудил ее со словами: «Идем домой!» — и как она обрадовалась. Она уже было представила качели на дереве, ручеек с мальками, окно своей комнаты в мансарде, откуда она по ночам тайком смотрела на звезды. Но тут папа помахал перед ней папкой с документами и сказал: «Нам повезло, нас поселили в один из Средних районов. Космический квартал, дом Звездный Свет. Теперь всё будет по-другому».

Так оно и вышло. Ничто не осталось таким, как прежде.

— Ты тут еще не заснула? Собрала вещи?

Мама стоит в двери гостиной. Йона показывает мешки и коробки.

— Отлично. Сейчас быстренько отнесем всё наверх, папа с Джимми уже забрали первую партию. А потом сразу идем на Церемонию Света. Целых семь семей! Вот уж Келлеры должны радоваться, что наконец-то переберутся наверх, — говорит мама. — Сколько же они этого ждали, пять лет? Даже представить страшно, что нам пришлось бы так долго торчать в этой темной норе.

Йона не отвечает. Мама и сама прекрасно знает, что вот уже пять лет, четыре месяца и две недели Келлеры живут на подземном этаже. Об этом знает весь Звездный Свет. По пятницам правление подсчитывает баллы всех семей и размещает результаты в Звездной Сети. Семейный счет — это сложно исчисляемая сумма баллов за успехи в работе, хорошие оценки, волонтерскую деятельность и иное прилежное поведение. Ну, за вычетом минус-баллов, конечно.

Келлеры побили все рекорды: в Звездном Свете еще ни одна семья не задерживалась на минусовом этаже так долго. Последние пару лет жильцы даже стали делать ставки: а смогут ли Келлеры на этой неделе подняться наверх? Но каждый раз, когда они уже должны были выбраться на поверхность, что-нибудь да случилось и сколько-то баллов с них снимали. Ни за одним

семейным счетом во всём Звездном Свете не наблюдают с таким вниманием, как за счетом семьи Келлер.

— Их сын ведь в твоём классе? Ларс или как его там?

— Матс. Сама ведь знаешь.

— Да, точно. Проблемный мальчик?

— Да нет, самый обыкновенный. Скучный какой-то.

Матс, наверное, немало минус-баллов заработал за свои двойки и неумение вовремя промолчать, но маме об этом знать необязательно.

— Это Матс-то скучный? Ну-ну, в кого бы это? Могу только сказать, что я рада, что вы с Джимми так стараетесь. Нашей семье с вами повезло, — говорит мама.

Сидя на бабушкиной кровати, мама смотрит на улицу. В окно почти ничего не видно. Сквозь густое покрывало, сплетенное из заводского дыма и морского тумана, едва проступают очертания Лунного Луча, отделенного от Звездного Света одним только узким двором. Мама отводит взгляд от окна и похлопывает по матрасу.

— Посиди со мной рядышком.

Йона без особого желания садится рядом.

— Я понимаю, что тебе в Звездном Свете приходится нелегко. Но знаешь, у нас не было выбора. И вот теперь смотри, как мы быстро поднимаемся! И глазом моргнуть не успеешь, как мы уже переедем в Верхние районы и у нас будет столько же свободы, сколько было раньше в деревне. Надо просто еще немного потерпеть.

— Сколько? Лет десять? Жаль, что бабушке уже до этого не дожить.

Йоне кажется, что мама сейчас ее ударит: она так сжала кулаки, что костяшки побелели. Йона отодвигается назад, но мама только вздыхает и разжимает кулаки.

— Я знаю, что бабушке очень не хватает той свободы, что была у нас в деревне. Вы с ней очень похожи. Вы как птицы, которым просто необходимо чувствовать ветер в крыльях. Ты думаешь, я этого не понимаю? Но бабушка знает, что важно для семьи, и готова всем ради этого пожертвовать.

— Даже собственной жизнью?

— Йона, вечно ты преувеличиваешь! В твоих воспоминаниях о деревне сохранились лишь детские радости: цветы, рыбки, подружки. Но на самом деле там у нас уже ничего не было. Ни работы, ни пропитания, ни будущего. Мы сидели как крысы в клетке. Ты забыла?

— Но мы ведь могли перебраться куда-нибудь в другое место? Должно же хоть где-то в Радовии быть лучше, чем здесь? Мы и сейчас можем уехать.

— Нет, ты не понимаешь. Нам дали только один шанс работать и жить в Радоваре. И если бы мы за него не ухватились, то сейчас было бы гораздо хуже. нас бы отправили в Нижние районы. Пришлось бы начинать с нулевого баланса. Неужели так было бы лучше?

Йона не отвечает. И не реагирует, когда мама берет ее за руку.

— Попытайся увидеть в этом светлую сторону. Помнишь тот день, когда мы переехали из-под земли? Один из лучших дней в моей жизни. — Мамин голос звучит едва ли не мечтательно.

Ничего удивительного, думает Йона, после двух-то лет в темноте. Но говорит только:

— В моей тоже. Мне тогда исполнилось девять лет.

— И точно! — радостно соглашается мама. — Два подарка сразу: квартира над землей и настоящий праздник!

Йона вспоминает устроенную для них Церемонию Света. Они и несколько других семей поднимались на сцену, потом всех угощали тортом, на бегущей строке появлялись их имена, и были даже подарки: специальные очки для защиты глаз, отвыкших от дневного света. Она помнит, что ей всё время хотелось танцевать и она каждому радостно кричала: «А еще у меня сегодня день рождения!» Пока папа не сделал ей замечание, что нельзя думать только о себе. Это их общий праздник, а не только ее. Тогда она притихла.

— Да, чудесный был день рождения, — говорит Йона маме. Потом встает и берет в руки коробку из-под обуви. — Идем?